

Вас. Страхов

Пушкин и массовый читатель

Библиологический очерк

С первого взгляда это может показаться странным, но это так:

Пушкин—популярнейший и любимейший поэт народов СССР—со-
всем не был популярнейшим и любимейшим поэтом царской России.

Пушкина всегда знала и любила читательская верхушка дореволю-
ционной России, но широким читательским массам он не был доступен.

При попытке выяснить причины этого явления—развертывается
очень, в сущности, жуткая картина минувшего читательского быта,
лишь смутно, понаслышке известного молодому советскому читателю.

I

В 1892 году Л. Н. Толстого спросили, кто, по его мнению, самый
знаменитый, любимый и читаемый писатель в России.

Толстой ответил:

— Матвей Комаров.

Интеллигенцией того времени этот ответ воспринимался, как не-
уместная шутка.

Дело же было в том, что Толстой имел в виду всю читательскую
массу в целом, в то время, как обычно читателем („настоящим“ чита-
телем) считался жидкий верхний слой интеллигенции на огромной тол-
ще многомиллионного неграмотного населения Российской империи.

Читательская верхушка М. Комарова не знала. Но М. Комаров был,
пожалуй, лучшим из того, что знали и любили широкие читательские
массы.

Крепостной писатель XVIII века, биография которого до нас не
дошла, Матвей Комаров был автором лубочных (вернее—долубочных)
„английского милорда Георга, маркграфини Фредерики—Луизы“, „слав-
ного мошенника и вора Ваньки-Каина, французского мошенника Кар-
туша“ и многого другого.

Сторонниками придворной литературы, обслуживавшей узкую про-
слойку культурного дворянства, „комаровские „милорды“ тщательно

отграничивались от „высокой“ литературы и крепко вгонялись в литературу лубочную.

Непрерывно искажаемые и опошляемые, они крепко, миллионами экземпляров, вращались в „широкого“ читателя и (вопреки мечтаниям Некрасова, что мужик не милорда глупого, а Белинского и Гоголя с базара понесет) благополучно дожили в виде 3-копеечных лубков до 1917 года. Но впрочем, не дольше.

Создателя их, М. Комарова, уже не помнили. Да и конкуренция с другими лубочными авторами ему уже стала не под силу.

Кто же стал самым любимым и самым читаемым писателем начала XX века?

Я назвал бы еще более неожиданное имя:

— Кукель.

Его биография тоже неизвестна, да и никому не нужна. Это, в своем роде, сборное имя, нечто вроде могилы неизвестного солдата на лубочном фронте.

Им написано, думаю, не менее тысячи повестей и рассказов. Плодовитость, превосходящая Боборыкина и уступающая только Дюма.

У Кукеля две особенности:

Во-первых, у него нет лучших и худших вещей. Они все равны по качеству, хотя и разнообразны по приемам. У него есть и свои варианты старинных „милорда“ и „протупей-прапорщика“ и реминисценции из классиков, вроде „турецкого пленника“ (по „Кавказскому пленнику“ Толстого) и исторические повести, где Вальтер-Скотт и Купер откровенно пересажены на русскую почву, и беллетристические обработки отечественных тем от подвигов Василия Рябова и Козьмы Крючкова до похождения сыщика И. Д. Путилина.

Во-вторых, все его произведения делятся на повести в 96 страниц (ценою в 10 коп.) и рассказы в 32 страницы (ценою в 3 коп.). Иных листажей у него нет.

В течение многих лет он поставлял (с регулярностью законтрактванного фельетониста) И. Д. Сытину свою продукцию, рассчитанную на стандартные размеры лубочных книжек. И даже не на каждой из них отмечалось:

— „Повесть (или рассказ) Кукеля.“

Но книжки Кукеля (и многих других Кукелей) в подлинно миллионных количествах растекались по окраинным лавчонкам, уездным базарам и коробам офеней.

„Широкий“ русский читатель (предок нашего колхозника и стахановца) до самой революции любил Кукелей. Пушкин до него если и доходил, то только в тех же стандартных лубках с сомнительными текстами, изданными многочисленными Сытиными, Холмушиными, Сазоновыми, наряду с песенниками, оракулами, сонниками, магиями и письменниками.

Это далеко не случайно.

II

Каково было состояние книжного рынка современного Пушкину периода—начала XIX века?

По свидетельству Карамзина, в Москве было две книжных лавки с оборотом по 5 тыс. р. ассигнациями в год, т. е. с дневной выручкой в 12—15 руб. Небольшая книжка стоила тогда 3—5 руб.

Москва покупала 5—6 книг в день!

Значительно сдвинул книжное дело книгоиздатель Н. И. Новиков. В Москве стало 20 лавок с общим годовым оборотом в 200 тыс. руб. ассигнациями. Впервые открылись книжные лавки в провинции. Но после ссылки Новикова книжная торговля снова заглохла—вплоть до 20-х годов, когда она начала заметно развиваться, особенно в Петербурге.

Что покупалось? Переводная литература (во главе с потрясающими романами А. Радклиф) и мистическая литература (Эккартсгаузен, „Ключ к тайнам природы“ и пр.). Батюшков, Жуковский, Дмитриев—залеживались на полках и шли за полцены и дешевле. („В Москве можно купить за 100 р. книг на 500 руб.“—писал Белинский уже в 1829 году).

Кто покупал? Это станет ясным из следующих цифр:

Предметы первой необходимости были дешевы (мясо 11—12 к. фунт, коровье масло 42 к. ф., пшеничная мука 3 р. 75 к. пуд и т. д.). Но небольшая книга стоила 10 р., кресло в театре—5 р. (ложе до 20 руб.), билет в концерт—10 руб.

Среднее месячное жалованье чиновника не превышало 60—80 руб. А гоголевский Акакий Акакиевич получал 33 рубля и вряд ли смог бы купить хоть одну книгу в год. О ремесленнике, о крестьянине говорить вообще не приходится.

Вот обстановка, в которую пришел Пушкин.

III

В то время писатель не мог жить литературным трудом. Издавать книги было выгодно (номинал в десять раз превышал себестоимость), но наживался лишь издатель.

Уже отмирала эпоха придворного меценатства, но в российских законах еще не было понятия „авторское право“ (его постепенно выработали на практике Пушкин и Смирдин).

Все это заставило Пушкина издавать свои первые книги на собственный риск или с помощью друзей (Гнедич, Вяземский и др.).

„Руслан и Людмила“ стоила 10 р. (на веленовой бумаге 15 р.), „Кавказский пленник“—5 р. (на веленовой бумаге 7 р.), а „Евгений Онегин“ издавался отдельными главами (по мере написания), маленькими книжечками ценою по 5 руб., т. е. весь „Онегин“ обходился в 40 руб.

Правда, Пушкин печатался в журналах, но журналы стоили от 20 до 50 руб. в год (данные по Гессену: „Книгоиздатель А. Пушкин“).

Уже работала знаменитая смирдинская библиотека, но плата за пользование книгами была 5 руб. в месяц, а с новыми журналами 8 руб. в месяц (данные по книге Гриц и др.: „Словесность и коммерция“).

Налицо был лишь, что называется, узкий круг читателя.

Несмотря на огромный успех своих книг, Пушкин все же боялся дать завод (тираж) более обычных 1200 экземпляров.

Интересна судьба основанного Пушкиным журнала „Современник“. В переписке Грота с Плетневым имеется указание, что „уже в 40-х годах он печатался всего в 600.экземплярах, из которых расходилось 200, так что издание было явно убыточным“.

Здесь количество переходит в качество. Если, например, в 1910 году в 10-тысячном тираже Павленковского однотомника Пушкина читательская верхушка и демократический читатель соотносились все же как 8:2, то в тысячных тиражах прижизненных изданий Пушкина это отношение было 10:0.

Массовому читателю Пушкин был абсолютно недоступен. А на языках нацменьшинств не было не только типографии, но подчас и алфавитов.

И если Пушкин писал (в „Памятнике“), что его назовет всяк сущий в России язык до тунгуса и калмыка включительно, то осуществиться это могло лишь после Октябрьской революции.

И причины этому были не только экономические, но и политические: в расчеты литературной политики царской России популярность „вольнолюбивого“ автора, да еще среди нацменьшинств, совершенно не входила.

IV

Во второй половине XIX века собрания сочинений Пушкина (изд. Анненкова, Исакова, Комарова, Литфонда и Поливанова), как и отдельные произведения, редко превышали обычные тиражи в 2—3 тыс. экз. и широкому читателю доступны все еще не были.

Первые попытки сделать Пушкина народным достоянием были сделаны, к сожалению, лубком.

Лубочные картинки с текстом не раз использовали песни Пушкина („Под вечер осени ненастной“ и др.), но часто без указания автора.

Лубочная литература, уже доводившая тиражи до 10 тыс. и цены до 3 к. печ. лист, но качественно спускавшаяся от Матвея Комарова до Кукеля—иногда частично захватывала и классиков. Таким образом, 5—6 вещей Пушкина (главным образом сказки) уже попадали на рабочие окраины, в уезд и село.

Но спрос на Ершовского „Конька-горбунка“ был неизмеримо выше, чем на Пушкина.

С другой стороны, цензура была к классикам тем строже, чем более массовым было издание.

Так, с трудом, урезанный, с неряшливыми текстами, подчас на бытлочной бумаге (а в изд. Сазонова даже на пипифаксе) Пушкин пробивал себе дорогу в массы.

V

А было это в то время, когда Россия уже готовилась к 100-летию со дня рождения Пушкина (1899 г.).

Внешне юбилей Пушкина выглядел парадно, даже массово. Ему старались придать вид всенародного праздника и часто цитировали „Памятник“.

Но юбилей поэта и не мог быть всенародным праздником в стране, в которой излишняя грамотность считалась опасным явлением для существующего порядка. Не случайно этот юбилей постарались использовать для извращения облика юбиляра, выставлением его борцом за „чистое“, аполитичное искусство. Таким его старались показать и в популярных юбилейных брошюрах, изданных „для народа“ тиражом в 10 тысяч... в стране с 140-миллионным населением на 22 миллионах квадратных километров!

Я не буду говорить ни о юбилейном академическом полном собрании сочинения Пушкина (осталось неоконченным); ни о Венгеровском 6-томнике (Брокгауза и Ефрона, 1907—1915), ни о Суворинском 8-томнике, т. к. эти издания, при всех своих положительных качествах, не имеют никакого отношения к массовости.

Какие же сдвиги внесли юбилейные и последующие годы в дело широкой популяризации Пушкина?

Можно отметить лишь два крупных положительных в этом смысле явления:

Во-первых, увеличение тиражей однотомников (изд. Павленкова, Панафидиной, Маркса, Вольфа, Сытина) до цифры, впрочем редко превышающей те же 5 тысяч экз. каждый. Правда, переиздания требовались не скоро, но большие тиражи позволяли доводить цену до 2 руб. и даже до 1 р. 25 к.

Во-вторых, выпуск дешевых „пушкинских библиотечек“ (6 ч. тех же издателей) из 20—40 названий каждая, в которых цены на отдельные мелкие поэмы и повести доходили до 3 и 2 копеек, а весь „Евгений Онегин“ (120 стран.) стоил 20—25 коп.

Эти два начинания были подлинно большим делом популяризации классиков (наряду с Пушкиным, но в меньшем масштабе, так же издавал Лермонтов, Гоголь и др.).

В частности, эти библиотечки были частью прототипом, частью имитацией первых массовых начинаний в России: суворинской „дешевой библиотеки“ (классики, античная лит. и пр.) и „Универсальной библиотеки“ изд. „Польза“ В. Антик (выпуск в 80—100 стр. в 16-ю долю л. стоил 10 к.), специализировавшейся на переводной литературе и лишь с 1915 г. включившей и русскую серию, в том числе 3—5 названий Пушкина.

Но весь курьез в том, что и эти самые „массовые“ желтенькие книжечки, заполнившие все станционные книжные киоски и имевшиеся в „каждом“ доме—имели предельный тираж большей частью все те же 10 тыс. экз.

Самый дешевый полный (в 10 томиках) Пушкин в издании суворинской „дешевой библиотеки“—полуторарублевый!—был выпущен в таком же тираже.

Это было большим событием на книжном фронте. 10-томник брался с бою. Но лишь в повторных изданиях Суворин решился, наконец, на 15-тысячный тираж.

Дело было в том, что дальше города и глубже интеллигенции эти книги все же не шли.

На остальных просторах царской России свирепствовал все тот же лубок, окончательно испошлавшийся и растерявший последние остатки мнимой народности во время войны 1914—1915 г., когда „доблесть Козьмы Крючкова“ и „зверства наглых тевтонов“ победили даже Бову и Конька-Горбунка.

Даже „полные собрания сочинений Пушкина“ и др. классиков доходили в село и рабочие семьи в тех же искалеченных, слепых (на толстой газетной, на этот раз, бумаге: для солидности) изданиях Холмушина, Сазонова, Коновалова, Губанова, Морозова и др. лубочников.

Даже И. Д. Сытин, выпустивший немало хороших изданий для интеллигенции, не нашел возможным изменить обычный стандарт лубочных изданий, выпуская свою продукцию для села.

VI

Это было умилительным российским явлением начала 20-го (как-никак) века!

Опрятные и грамотные книжки, независимо от цены, „в народе не шли“. Им не доверяли—по давней привычке к родному лубку.

Когда издательство „посредник“ И. Горбунова-Посадова (подлинно культурное дело, материально поддержанное тем же Сытиным), выпустило многотиражную серию „книг для народа“, то оно поневоле должно было прибегнуть к некоторой мимикрии, печатая книжки параллельно в двух стандартах (один из них—имитация лубочного).

Только в этом издании Пушкин, наряду с Толстым и Чеховым, дошел в приемлемом виде до массового читателя. Но лубка не победила. „Посредник“ занимал не более 1 проц. в лубочном ассортименте.

Пушкинские же библиотечки и однотомники имели распространение лишь „в семье и школе“. Но „семья“ понималась, в крайнем случае, как полубуржуазная, а в городской школе процент пролетарских и крестьянских детей был крайне низок.

Подлинный массовый читатель завоеван так и не был. А интеллигентный читатель? В 1913 году Аверченко (я не говорю о Вербицкой) вдвое превышал пушкинские тиражи.

„Сыщицкая“ литература—десятеро.

VII

А „семейные журналы с классиками“?

О них нельзя не сказать. Иллюстрированные еженедельники занимали по тиражам место между книгой и газетой.

„Нива“ к 1914 году достигла неестественного для царской России тиража в 500 тысяч экз. За ней шли: „Родина“ (150 т.), „Север“ (50 тыс.). Основное их „бесплатное“ приложение заключалось, обычно, в 52 книгах классиков.

Многие причины, в том числе—отсутствие в уездных городах книжных магазинов, „стабильность“ мелкобуржуазной семьи, как и стабильность уездной жизни, а главное, небывалая, ввиду многотиражности, дешевизна (52 книги в 7—9 тыс. страниц плюс комплект самого журнала за 8 руб. в год при рассрочке по 2 руб. в каждые 3 месяца) привели к тому, что 9/10 всех провинциальных домашних библиотек имели основой приложения к „Ниве“.

„Нива“ сделала больше, чем хотела: в глазах подписчиков каждый „приложенный“ автор сразу делался классиком (в их число по оплошности попали и Шиллер-Михайлов, и И. Ф. Горбунов, и П. Д. Боборыкин).

Таким образом, данный приложением к „Ниве“ полный Пушкин впервые появился бы в полумиллионном тираже...

Если бы.

Но у „Нивы“ Пушкин так в классики и не попал. Пушкину вообще не везло в журналах. Даже в год юбилея (1899) его дал приложением один только малотиражный журнал: „Народное благо“. И еще во время империалистической войны его дала приложением „Всемирная панорама“, но в буквально халтурном издании. Это все.

На это были свои причины.

Оказывается, Пушкин не был достаточно рентабельным (неинтересным для рекламы). Пушкина считалось слишком много в продаже—„он и без того—в каждой семье“. Это были слова самого издателя „Нивы“.

VIII

Сколько же, в таком случае, издано Пушкина?

Для сравнения с советскими изданиями, я приведу цифры по пятилетиям:

с 1837 (смерть Пушкина) по 1841 г.—общий тираж 20 тыс. экз. С 1860 по 1864 г.—150 т. экз., с 1899 (100-летний юбилей) по 1904 г.—1 миллион экз., с 1907 по 1911 г.—3 млн., с 1912 по 1916 г. (империалистическая война)—2 млн., с 1918 по 1922 г. (гражданская война)—1 млн., с 1923 по 1927 г.—2 млн., с 1928 по 1932 г.—4 млн. и с 1928 по 1937 г.—15 млн. экз. (1937 г.—по плану).

Выпуск сочинений Пушкина на языках национальностей по пятилетиям:

с 1899 по 1904 г.—6 тыс., с 1912 по 1916 г.—17 тыс., с 1918 г. по пятилетиям последовательно: 12, 18, 40 тыс. и 2 миллиона.

В 1937 г. Пушкин выпускается в СССР более чем на 50 языках, в том числе—на аварском, ассирийском, дарчинском, кара-калпакском, кылыманском (корякском), лакском, луораветланском (чукотском), мансийском (вогульском), нанайском, ненецком (самоедском), нивском, таджикском, татском, узбекском, удмуртском, хантыйском (остяцком), цыганском, эвенкском (мамутском и тунгусском), якутском и многих других.

Одно это „сухое“ перечисление—не может не волновать. Ведь большинство этих национальностей не имело никакой литературы (кроме зачатков устной) и даже их печатные алфавиты созданы лишь после Октябрьской революции.

Большинство пушкинских произведений на этих языках будут иллюстрированы рисунками таких художников, как Бенуа, Кустодиев, Нестеров, Врубель и др.

С такими данными мы подходим к 100-летию со дня смерти Пушкина.

При сравнении цифр надо учитывать, что дореволюционные тиражи полностью покрывали читательскую потребность. Советские тиражи последних лет сильно сжаты из-за недостатка бумаги. И что в советских библиотеках эффективность книги выше, чем в дореволюционных.

За один только четвертый квартал 1936 г. выпущено более 3 миллионов пушкинской литературы (из них более 2 млн. сочинений Пушкина). Но в магазинах их нет. И даже нет впечатления, что Пушкин есть в каждом доме, как это казалось в 1913 году. Потому что читатель Пушкина сегодня—не верхушка интеллигенции, а все население СССР.

На 1937 г. запланировано 13 млн. пушкинской литературы (сочинений Пушкина—свыше 10 млн.). В том числе полные собрания сочинений: 12-томное в 100 тыс. экз., 6-томное в 200 тыс., однотомник в 500 тыс. экз., а отдельные произведения доходят до 2—3-миллионных тиражей.

В книжном мире это—небывалое явление. Наибольшие тиражи изданий Гете в Германии достигали 25 тыс. экз., Байрона в Англии—20 тыс. Но это были цифры, которые удивляли.

Нас пушкинские тиражи даже не удивляют. Ведь это для 170-миллионного населения социалистической страны!

Потребность в Пушкине в юбилейные годы удовлетворена не будет даже этими тринадцатью миллионами экземпляров. Того положения, когда вы, как в 1913 году, в любом магазине, в любое время найдете любое издание Пушкина—мы добьемся, во всяком случае, не в ближайшие годы.

Но сегодняшние тиражи уже значат, что только теперь, после Октябрьской революции, Пушкин дошел до подлинно широких читательских масс. Вернее—только теперь массы получили возможность узнать и полюбить его.

И только сегодняшней юбилей, в отличие от юбилея 1899 г., станет по-настоящему всенародным праздником.

В 1911 году один французский журналист привел, как курьез, разговор с русским крестьянином, который на вопрос, знает ли он Пушкина, ответил:

— „Нет, барин, это, должно, не нашей волости“.

Не знаю, найдется ли теперь даже не слишком уж передовой колхозник, который не знал бы, кто такой Пушкин.

А это возможно лишь в стране высокой социалистической культуры.

А. С. ПУШКИН

1837--1937

*Сборник статей
и материалов*

САРАТОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАТОВ 1937